

Комлева Н. А., Логинов П. П.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КАК ФАКТОР ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/28.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-97. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

го фронта, что оказалось полностью неожиданным для командования сухопутных войск, а переброска танковых дивизий из центра на север и юг привела к распылению сил вермахта.

Самоубийственный характер плана «Барбаросса» заключается не только в противоречиях между Гитлером и ОКХ по вопросам целеполагания, стратегического и оперативного планирования, но и баланса сил. План «Барбаросса» был превыше сил вермахта, потому являлся чистой авантюрой.

Однако ошибки гитлеровцев еще не гарантировали Красной Армии автоматической победы. Борьба была жестокой и кровопролитной, с многочисленными жертвами. Но если бы советское руководство располагало достоверными разведывательными данными о приготовлениях фашистской Германии к нападению на СССР, правильно бы определило направление главного удара врага, грамотно планировало и осмысленно руководило своими операциями в самом начале войны, учитывая свои собственные на тот момент возможности и зная проблемы вермахта, очевидно, победу Красная Армия могла бы одержать «меньшей кровью».

Список литературы

- Битва под Москвой. Хроника, факты, люди:** В 2-х кн. – М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002. – Кн. 2. – С. 165-166.
- Гальдер Ф.** Военный дневник: В 3-х т. – М.: ООО Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – Т. 2. – С. 61, 80, 198, 243. – Т. 3. – С. 63-64.
- Гот Г., Гудериан Г.** Танковые операции. «Танки – вперед!». – Смоленск: «Русич», 1999. – 496 с.
- Дашичев В. И.** Банкротство стратегии германского фашизма: В 2-х т. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1972.
- Карель П.** Восточный фронт: В 2-х кн.- М.: Изографус, Издательство «Эксмо», 2005. – Кн. 1. – С. 167-169.
- Манштейн Э.** Утерянные победы. – М.: ООО Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 891 с.
- Мельтюхов М.** Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941: Документы, факты, суждения. – М.: Вече, 2000. – 608 с.
- Нюрнбергский процесс:** В 3-х т. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1965.
- РГВА.** Ф. 1280-к. Оп. 2. Д. 26. Л. 9-13.
- «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР:** Документы и материалы / Сост. В. И. Дашичев. – М.: «Наука», 1967. – 752 с.
- Филиппи А.** Припятская проблема. – М.: ООО Издательство «АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 605 с.
- Beer A.** Der Fall Barbarossa. – München: Bernard und Graefe Verlag für Wehrwesen, 1978. - 423 s.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КАК ФАКТОР ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

*Комлева Н. А., Логинов П. П.
Уральский государственный университет*

Последнее десятилетие XX века стало периодом кардинальной реорганизации международно-политического пространства в мире.

С уходом в прошлое жесткого биполярного противостояния, характерного для эпохи холодной войны, исчезла и достаточно четкая организованность мирового пространства, которая диктовала участникам определенные ролевые функции и некоторые общепризнанные правила игры. Современный международно-политический пейзаж фрагментирован, неоднороден и подвижен.

Политические процессы издавна привлекали внимание ученых - политологов, социологов, экономистов, историков и правоведов. Мощный импульс исследованиям в области политической динамики дала теоретическая разработка ряда концепций (модернизация, «зависимое развитие», мирсистемный анализ, «неоинституционализм»)¹. Обратим внимание на одно, весьма значимое и довольно популярное в научных кругах направление - политическую транзитологию, изучающую переходы от авторитарных к демократическим режимам. При этом необходимо отметить, что собственно прикладной аспект данной теоретической модели должен рассматриваться, прежде всего, как методологическое основание политического анализа, а не законченное обоснование некоей доктрины.

Трансформационные процессы в странах СНГ, Центральной и Восточной Европы в 90-ые годы осмыслились в основном в терминах теории «переходного периода» или транзитологии, которая стала не только аналитической моделью, но и совокупностью практических рецептов для проведения социально-экономических и политических реформ. Мировоззренческой основой этой влиятельной концепции был образ восхождения от авторитаризма к демократии, в котором начало пути представляло собой относительный минус, а завершение - плюс. Идея глобальной демократизации восходила к теории модернизации и, по сути,

* Данная статья является отредактированной версией одного из параграфов диссертации на тему «Сравнительный анализ интеграционных процессов на территории ЕС и СНГ». Основной целью данного параграфа является формулировка понятия «транзитарная форма интеграции»

¹ Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? - М., 1992.; Окунет Л. С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии // Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. - М., 1994.; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999.

являлась ее творческим ответвлением, развивающим и детализирующим этот процесс в его идейно-политическом измерении. В частности, в рамках данной концепции анализировались трансформационные процессы в Белоруссии, России и Украине, начавшиеся во второй половине 80-ых годов, и не завершённые до сих пор. Исходя из транзитологической теории, три восточнославянских государства к концу 90-ых годов подошли к этапу консолидации демократии и медленно, но верно двигались к определенному социально-экономическому и политическому ориентиру западноевропейского или американского образца. При этом считалось, что это движение не только оправданно и естественно, но его цель принципиально достижима в обозримые исторические сроки.

Однако с конца 90-ых годов данная схема оказывается под огнем критики. В связи с очевидным несоответствием теории и практики во многих странах, пошедших по пути демократических преобразований, встает вопрос о кризисе транзитологии как аналитической модели. Высказывается идея, что она более не в состоянии вбирать в себя всё многообразие «псевдо-демократий», «полу-демократий», «управляемых демократий», «делегированных демократий», «квази-демократий» и т.п. Оказывается, что за исключением полутора десятков стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Центральной Европы, в которых «переходный период» завершился относительно успешно, большинство государств тех же регионов и некоторых других отнюдь не находятся на пути к демократии, даже с приставками «квази» или «псевдо». Напротив, имеет место поступательное и устойчивое движение в сторону от демократии в направлении новых авторитарных режимов в форме олигархических, семейных, клановых, этно-национальных и прочих диктатур. Никак не решаемые, а во многих странах усугубляющиеся проблемы бедности, голода, болезней, безработицы содействуют упрочению социально-экономических предпосылок для того, чтобы демократия, гражданское общество и правовое сознание там никогда не сформировались.

Следует отметить, что западная транзитология имеет два измерения: первое, которое изучает «переходный период» сам по себе и связано с понятием *transition*, и второе, которое рассматривает модель переходного периода, т.е. трансформацию политического режима - *transformation*. Однако такое различие не свойственно российским исследователям политических процессов поставторитарного развития. Так В. Гельман полагает уместным употреблять понятия *transition* и *transformation* как синонимы.¹ При таком использовании терминов вполне естественно понимание транзитологии как «отрасли политической науки, посвященной изучению трансформаций».

Другой российский политолог, А. Мельвиль, предлагает различать структурные и процедурные аспекты демократического транзита. И на российском опыте автор показывает специфические черты общественной трансформации, которые являются также «элементами современной демократической волны».² Таким образом, очевидно, что главным в подходах исследователей-транзитологов остается обращение к схеме «демократического перехода». И даже, несмотря на весьма неоднозначные результаты поставторитарного развития Восточной Европы и бывшего СССР, схема теоретической модели (авторитарный режим – переход – демократический режим) остается постоянной.

Особая роль в процессе перехода уделяется различного рода факторам социальной инженерии, таким, как конструирование политических институтов, рецепция принципов правовых систем развитых демократических государств, формирование нового типа культуры на базе иного набора ценностей и приоритетов, переосмысление истории и традиций народа и т.д. Эти и многие другие факторы призваны конструировать наиболее оптимальные условия для функционирования демократии и формирования среды, в которой происходит адаптация структурных и институциональных нововведений.

Для транзитологов анализ институциональных и социокультурных аспектов переходных политических режимов во многом предопределен тем обстоятельством, что предполагается рассмотрение динамики политических процессов, выявление их характера и направленности. В данном случае необходимо отметить существенную специфику политических изменений вообще. Цель институционализации – преодоление неопределённости. Большинство исследователей институциональной сферы сходятся на том, что «институты уменьшают неопределённость, структурируя повседневную жизнь»; их полезность «в значительной мере сводится к минимуму или вообще утрачивается, если они свободно изменяются параллельно колебаниям цен». Преодоление неопределённости – задача, с которой сталкивается трансформирующаяся политическая система, так как неопределённость – неотъемлемая черта трансформации. Таким образом, институциональный фактор в трансформации политической системы является доминантой.

Неопределённость – это истинно философская категория, ибо связана со сферой познания (неопределённость часто выступает как синоним незнания, неизвестности). Она всегда описывает будущее, как бы исследователю не хотелось представить его в качестве неминуемого результата каких-то закономерностей или тенденций. Таким образом, принцип неопределённости является «фундаментальным, обязательным свойством нашего мира».³

Неопределённость – это отсутствие пределов, а, следовательно, ситуация отсутствия выбора. Неопределённость будущего означает, что будущность бесконечна и не имеет альтернативности. В этом смысле пре-

¹ Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. - М., 1999. - С. 16.

² Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). - М., 1999. - С. 98.

³ Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до чёрных дыр / Пер. с англ. Н. Смородиной. - СПб.: Амфора, 2000. - С. 82.

вратить неопределённость в определённую не возможно; любые схемы, претендующие на описание будущего, суть гипотезы, вероятности, интерпретации. Они могут эффективно решать определённые задачи на краткосрочной перспективе, но не могут рассматриваться как универсальные раз и навсегда данные.

Институты способны лишь оградить от неопределённости, а не ликвидировать её. Задавая чёткие алгоритмы действий, создавая своеобразную матрицу повторяющихся процедур, институты конструируют действительность, которая, используя остаётся в контексте реальности со всей её неопределённостью.

Таким образом, институты – это правила, возможные в ситуации статус кво, когда нет необходимости определять будущее, но есть необходимость удерживать настоящее, воспроизводить постоянно достигнутое, до тех пор пока оно эффективно. Следовательно, процесс институционализации в рамках трансформации политической системы означает усугубление, умножение неопределённости. В описываемых условиях акторы взаимодействуют, не имея представления о будущем, пытаясь при этом выработать правила своего взаимодействия, не будучи уверенными в их эффективности, признанности и длительности существования. Это означает, что мы имеем дело с двумя порядками неопределённости – трансформационной и институциональной.

Рассматривая понятие институциональная неопределённость, мы подразумеваем под ним ситуацию, когда акторы политической коммуникации не находят компромисса относительно политических и поведенческих процедур и правил, а последние постоянно меняются, носят спорадический характер. Здесь действуют неформальные ограничения, т.е. традиции, ритуалы, временно разделяемые всеми нормы (навязываемые более сильным актором, или сознательно принимаемые для преодоления неопределённости). Здесь можно говорить о доминировании политических практик, т.е. временных действий, которые претендуют на регулярность, но в силу своей неэффективности и иных факторов оказываются заменёнными через какое-то время другими практиками. Институциональная неопределённость длится ровно столько, сколько идёт институционализация. Вектор трансформации постоянно изменяется, целью становится системная стабильность и политический порядок, понимаемые как четко установленные «правила игры». Отсутствие институциональной структуры ввергает систему в кризис, когда каждый субъект устанавливает и пытается навязать свои правила, а побеждает в итоге сильнейший. И, в общем-то, это логика любой трансформации. Именно поэтому Лешек Бальцерович характеризовал трансформацию как «масштабный переход от одного стабильного общественного состояния к иному потенциально стабильному состоянию»¹.

Фактор институциональной неопределённости учитывается некоторыми исследователями, хотя остаётся практически непроработанным в российской науке. В. Меркель и А. Круассан обращают внимание, что в государствах, переживающих трансформационный процесс, возникает неопределённость в деятельности новых институтов, в результате чего «стимулы для создания неформальных правил оказываются особенно сильными». В. Гельман, анализируя неопределённость как имманентное свойство смены режимов, исследует, как от «институционального выбора», осуществляемого акторами, зависит будущее политического строя². А. Пшеворский, давая интерпретацию демократии, говорит о ней как об «организованной неопределённости», которая базируется на своде правил³.

Решающим аргументом, способствующим созданию политических институтов, очевидно, является их эффективность. В задачи данной статьи не входит построение модели, способствующей измерению эффективности институтов. Однако можно предварительно утверждать, что эффективность – категория оценочная, т.е. каждый актор сам способен для себя определить, насколько тот или иной набор действий и правил для него оказывается результативным в достижении поставленных им (перед ним) целей.

Таким образом, мы имеем дело с базовым противоречием: с одной стороны, институты способствуют временному и мнимому преодолению неопределённости, с другой стороны, имеет место феномен институциональной неопределённости. В этой диалектической ситуации нельзя выработать схемы развития, но можно объяснить особенности текущего момента.

Эта специфика предполагает невозможность дать точный, конкретный слепок ситуации, в которой находится политический режим, политическая система. Но вполне возможно выделить и наметить основные и наиболее проявляющиеся параметры изменений, т.е. те индикаторы, которые послужат отправными точками аналитических обобщений и выводов, зададут необходимый критериальный аппарат исследования, позволят составить более детальное описание возможных альтернатив развития.

Рассматривая политические режимы, мы приходим к выводу, что те средства, методы, способы государственного управления, которые и формируют политический режим, создаются в результате наличия определенных отношений и в политической системе данного государства. Действительно, государственная власть по своей природе является властью политической. Решения и действия, предпринимаемые ею, в силу указанной особенности государственной власти, также политические по своему характеру. Следовательно, в случае наличия определенных изменений политической системы данного государства произойдет и преобразование тех методов, которые использует власть для управления страной.

¹ Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох. – М.: Наука, 1998. – С. 153.

² Россия регионов: Трансформация политических режимов / Под общ. ред. Гельман В., Рыженков С., Бри М. – М.: Весь мир, 2000. – С. 43.

³ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 31.

Какова природа преобразований политического режима в зависимости от изменения политической системы? На наш взгляд, можно выделить три базовых группы причин политического характера, приводящих к смене политического режима. Такими группами являются: трансформация вследствие изменения базовой политической парадигмы и изменения субъекта-носителя власти (или базовой политической идеи этого субъекта); преобразования, происходящие по причине трансформации структуры и состава политической системы; и, наконец, преобразования, происходящие из-за возникновения или изменения иных причин политического характера.

Первая из этих групп определяет преобразования политического режима тем, что определенные методы государственного управления, составляющие политический режим, зависят от целей носителя государственной власти. В зависимости от постановки тех или иных политических задач, их изменения, государственное руководство выбирает те методы, которые могут привести к успешному достижению этих целей. Следовательно, изменение политического курса (базовой политической идеи носителя власти) может привести к изменению и государственного режима (или отдельных его элементов). Такое же изменение происходит и тогда, когда происходит смена правящего субъекта. В этом случае наблюдается два возможных пути трансформации. Получение власти субъектом, принадлежащим к тому же сегменту политической системы (например, принадлежность к той же политической партии), что в большинстве случаев может привести к изменению в отдельных признаках режима, но не к смене типа государственного режима. Получение власти субъектом, придерживающимся отличных политических взглядов и идей о методах достижения политической цели, может быть фактором к достаточно значительному преобразованию режима, вплоть до изменения его типа.

Вторая группа причин определяет в качестве основания для преобразования политического режима трансформацию структуры и состава политической системы. Государственная власть, существующая в том или ином государстве, является результатом сложного процесса взаимодействия в политической системе этой страны. Наличие однопартийной или многопартийной политической системы, уровень влияния политических элит на власть, характер отношений между субъектами политической системы (конструктивное сотрудничество или жесткая оппозиционность) – некоторые из элементов данной системы, оказывающие влияние на преобразование тех или иных признаков государственного режима. Преобразования в политической системе создают реальную возможность: во-первых, для корректировки политических целей и способов их достижения правящей политической группой (партией); во-вторых, для ослабления или усиления контроля над субъектом, обладающим государственной властью (легитимизированным, установившимся в данной системе способом) со стороны иных участников политического процесса; в-третьих, для усиления или ослабления непосредственного влияния иных политических сил, включенных в управленческий процесс (парламентская оппозиция и т.д.). Если учесть, что любая политическая партия, группа стремится к полному достижению своих политических (идеологических) целей, а политическая система, представленная множественностью политических групп, является определенным сдерживающим механизмом в данном процессе, то под влиянием политического фактора может происходить как «авторитаризация» режима (в случае ослабления противодействия со стороны иных субъектов политической системы), так и «демократизация» (при усилении роли иных политических групп (партий)).

Третья группа причин, проявляющихся в политическом факторе формирования и трансформации политического режима – это преобразования, происходящие из-за возникновения или изменения иных причин политического характера. Данные преобразования напрямую не связаны ни с заменой носителя государственной власти, ни с состоянием политической системы данного государства. К этим причинам можно отнести такие, как: влияние международной политической системы (особенно в рамках ЕС), действие иных субъектов международной системы по изменению государственного режима (интервенция, установление зон контроля, политическое давление, поддержка оппозиции внутри страны). Эти причины напрямую не связаны с политической системой рассматриваемого государства, но при определенных условиях могут оказать различное по своей природе воздействие. Например, инициировать преобразования в национальной политической системе (поддержка оппозиции, возникновение «агентов влияния»); ограничить деятельность данного государства на международной арене (политическая изоляция, эмбарго, экономические и другие санкции); и, наконец, непосредственное силовое воздействие или одного государства, или в рамках процедур международных организаций (в том числе оккупация территории данного государства полностью или в части, свержение политического руководства).

В настоящее время трансформации политических режимов (систем, методов государственного управления) являются процессом не спонтанным, а протекающим в определенных, заранее теоретически обозначенных границах. Безусловно, для любого преобразования в сфере государственного управления необходимо определить два теоретических основания: какие цели государственного управления должны быть достигнуты этим процессом, и каковы конкретные методы, при помощи которых можно достичь этих результатов. Следовательно, в процессе трансформации государственных режимов огромную роль играет выбранное теоретическое основание и определенный путь этого преобразования. Почему в некоторых государствах произошли демократические реформы, а в других – ужесточение режима? Дело в том, что кроме главенствующего фактора (в данном случае экономического) на политический режим воздействуют и иные факторы (политические, социальные), вносящие свои коррективы в транзитологический процесс. Да, огромна роль в этом процессе субъективного фактора (личного мнения носителя власти). Но данная позиция лидера

вырабатывается под действием определенных теоретических (научных) оснований. Следовательно, в любых процессах транзитологических переходов, кроме спонтанных (неконтролируемые массовые выступления), огромную роль играет теоретический фактор. Этот фактор может проявляться либо как основной (чрезвычайно редко), либо как дополнительный при первоначальном воздействии других факторов.

Принципиальное значение данный фактор имеет в случае инициирования изменения политического режима иными причинами (политическими, социальными). В этом случае можно говорить о двух возможных вариантах воздействия государственно-теоретического фактора на транзитологический процесс: во-первых, как об определенном фундаменте политических и социальных причин, и, во-вторых, как о направляющем элементе при принятии решения об изменении методов государственного управления. При рассмотрении первого из представленных проявлений необходимо отметить, что как таковой, данный фактор не рассматривается как нечто индивидуальное. В ряде социальных и политических процессов особую роль играет идеологическая, а, по сути, для анализируемых процессов - государственно-теоретическая составляющая. Каждая трансформация, вызванная изменением носителя власти или преобразованием политической системы, приводит к определенной корректировке политических целей. Для достижения этих целей необходимы особые политические методы. При этом и постановка политических целей, и предложение тех или иных методов основывается на первоначальной идеологической политической базе соответствующей политической партии, движения, группы. Таким образом, теоретический фактор является в этом случае косвенной причиной трансформационного процесса, поскольку воздействует непосредственно не на существующий государственный режим, а на иные факторы, приводящие к смене этого режима.

Второе проявление теоретического фактора сводится к определенной научной концепции о возможности существования тех или иных путей разрешения противоречий в общественной, политической, социальной жизни. То есть о потенциальных путях реформирования политического режима, изменении методов государственного управления. Такое действие теоретического фактора характерно для тех режимов, когда у носителя политической власти в стране есть реальная возможность влиять на происходящие преобразования. Как правило, в случае наличия первоначально высокой значимости политической идеологии в государственном режиме при выборе пути трансформации выбирается такое направление, которое при изменении методов государственного управления (по возможности минимальном) позволило бы сохранить устойчивость идеологии и достижение определенных ею политических целей. Желание сохранить возможность государственного управления, придать устойчивые основания существующей политической линии вынуждает государственного лидера обращаться к определенным теоретическим основаниям (опыту действий власти в различных исторических проявлениях транзитологических процессов, то есть историко-теоретический фактор; выбор наиболее полезных, научно и практически обоснованных методов управления (зачастую реакционных) – управленческо-теоретический фактор и т.д.).

Большинство процессов трансформации и формирования политических режимов характеризуются наличием сразу обоих проявлений теоретического фактора, а именно: определенные государственно-правовые, социально-философские концепции, рассматривающие идеальные модели государственного режима, закладываются в основу идеологической составляющей социального или политического факторов. Степень и уровень влияния теоретического фактора в каждом из двух проявлений могут быть не идентичны. Характеристики развития процесса трансформации режима, наличие активных действий со стороны кого-либо из субъектов данного процесса может привести к преобладанию какого-то одного из этих представленных проявлений теоретического фактора.

Анализируя трансформации политических режимов, преобразования, происходящие в системах методов государственного управления, можно прийти к выводу, что в настоящий момент такие процессы являются реакцией политической системы страны на наличие значительных противоречий в социальной, экономической, политической и государственно-теоретической сферах. При этом только определенное соединение отдельных компонентов этих четырех систем формирует причины, заставляющие преобразовывать существующие методы государственного управления. Но этот процесс не является какой-либо аномалией, поскольку стремление к соответствию используемых управленческих методов реальной ситуации, сложившейся в различных сферах общественной жизни, является тем ограничителем, основой, которая позволяет сохранить устойчивость общественного и государственного механизма.

Итак, любой политический режим находится в динамике. Один и тот же политический режим может быть назван по-разному и рассмотрен с различных точек зрения. Простой пример, иллюстрирующий эту мысль - возникший в России посткоммунистический режим.

Ожесточенность споров относительно того, демократический это режим или все еще авторитарный, способна запутать любого, кто задался целью прояснить вопрос о постсоветском политическом устройстве. Между тем, вполне очевидно, что этот режим не может быть ни исчерпывающе, ни даже удовлетворительно описан с помощью характеристик «авторитаризм» и «демократия». Эти характеристики могут быть в лучшем случае «рамочными», организующими исследовательскую концепцию.

Трансформация политической системы - это постоянный процесс: когда права и свободы слишком разрастаются, гражданское общество принимает четкое обличье, проявляется обстоятельная и конструктивная критика власти или вмешательство гражданских институтов и государственное управление, власть в свою очередь старается не допустить прогрессивного давления общества и «сжимает» свободы, стараясь переломить ход событий. Здесь проявляется авторитарное начало...

Действительная проблема поэтому и состоит в том, чтобы использовать преимущества рамочной концепции «демократия-авторитаризм-тоталитаризм» для анализа конкретной ситуации, для более точного уяснения формирующихся властных механизмов и способов разрешения политического по своей природе конфликта между обществом и государством.

В своей работе мы пришли к выводу, что исторический вектор изменений объективно не может быть задан и предопределен. Необходимо помнить, что на первый план постоянно выступают моменты вариантности, непоследовательности и неопределенности результатов. Изучая трансформацию как феномен, следует постоянно акцентировать внимание на таких характеристиках политической системы, как непредсказуемость системных перемен, промежуточность и вариативность формируемой общественно-политической системы.

Однако же, само по себе исследование политического процесса в рамках транзитологической парадигмы, на наш взгляд, вполне правомерно и имеет массу реальных позитивных возможностей. Во-первых, можно представить ход политической жизни как постоянно изменяющееся социальное бытие идей, общественных групп, политических институтов, практик, не фиксируемое в категориях статике, так как сам политический процесс - динамичное явление с множеством возможностей и направлений. Во-вторых, транзитологический подход сосредоточен на выделении и анализе факторов политических изменений. Можно конечно принимать или отвергать намечаемые многими исследователями параметры, но не вызывает сомнений сам подход, в данном случае институционализм и функционализм в их новых интерпретациях (А. Этzioni, Д. Норт и др.). В-третьих, именно транзитологическая парадигма исследования политических процессов становится основой рассмотрения нестабильных, неустойчивых, но в то же время остающихся сложноорганизованными систем в их наиболее трудный период развития - поиска оптимальной формы самоорганизации на основе переосмысления мирового опыта и актуализации своего историко-культурного потенциала. Таким образом, временные характеристики при исследовании многих важных аспектов политического процесса приобретают характер исторически определенного и привязанного к соответствующей социально-экономической среде духовно-культурного континуума. И, наконец, в-четвертых, транзитология стала серьезным научным направлением, которое увязывает глобальные мировые, долгосрочные тенденции развития (экономического, социально-политического, информационного плана) и локальные процессы. При этом появилась возможность не только рассмотрения общего процесса демократизации и его влияния на ситуацию в государствах «недемократических» или «переходных», но и определения факторов проявления тенденций к глобализации экономических отношений на данном уровне, усиления информационного воздействия ведущих держав мира как обладающих более мощным потенциалом средств массовых коммуникаций и т.д.

Учитывая вышеизложенное, *транзитарную форму интеграции*¹ можно определить, на наш взгляд, таким образом: это процесс соединения сходного, срастание в единую систему новых социально-экономических и политических институтов, процесс интеграции демократических ценностей и рыночных экономических механизмов, который сопровождается неравномерностью процесса становления данных субъектов и отношений между ними, формирование демократических институтов гражданского общества, на которое оказывается огромное влияние культурно-исторические, сложившиеся в переходном интегрирующемся обществе. Успех транзитарной формы интеграции зависит от многих факторов, основными являются интеграционная зрелость государств, политическая воля национальных элит, достаточный уровень развития экономики и готовность институтов гражданского общества активно взаимодействовать с властными структурами по вопросам интеграции новых форм государственного регулирования.

ЛОКАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОНСТРУКЦИИ ТАШТЫКСКИХ СКЛЕПОВ

Корнеева Ю. С.

Хакасский государственный университет

Таштыкские каменные сооружения – склепы являются уникальными памятниками и дают материал о племенах, проживающих на территории Хакасско-Минусинской котловины в начале нашей эры. Данный тип погребений просуществовал на протяжении трех столетий (V – VII вв.) [Вадецкая Э. Б. 1999: 129] и в дальнейшем трансформировался в каменные погребения чаа-тас [Евтюхова Л. А. 1948: 4].

Для таштыкских склепов характерны общие каноны их сооружения. Сначала выкапывали котлован и укладывали грунт на бортах. Затем по периметру котлована сооружали стену-крепиду из плашмя уложенных плит песчаника. С западной стороны склепа конструировался вход, а стены внутри котлованов либо облицовывали плитами и низкими клетями из бревен, либо двойной бревенчатой стеной – тыном и срубом. Сверху склепы покрывались бревенчатым потолком и засыпались плитками и дерном [Археология Хакасско-Минусинского края 2003: 180].

Однако, конструкция каждого склепа отличается своими особенностями. Впервые на такие различия обратил внимание Л. Р. Кызласов.

¹ Данное определение является научной новизной автора диссертации.